

Оригинальная статья

DOI: 10.17748/2686–9969–2025-9-3-100-131

УДК 37

EDN RBZJTI

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ВОЗРАСТНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ
ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ
В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ**

Диана Алиевна Ташу

Кубанский государственный университет

г. Краснодар, Россия

azazaxaxq@gmail.com

Светлана Сергеевна Игнатович

Кубанский государственный университет

г. Краснодар, Россия

ORCIDID <https://orcid.org/0000-0003-0479-6117>

Researcher ID Web of Science: AAD-7258-2019

Scopus Author ID: 58202706200

ssign67@mail.ru

Аннотация. Введение. Статья посвящена выявлению особенностей, факторов и механизмов проявления девиантного поведения у современных подростков (12-17 лет), а также направлений его профилактики в условиях трансформации социальной и цифровой среды. Актуальность темы обусловлена тем, что девиантное поведение современных подростков распространяется в цифровой среде вместе с размыванием традиционных запретов, доступностью деструктивного контента и снижением эффективности традиционных механизмов социального контроля. *Гипотеза исследования* – предполагается, что в структуре девиантного поведения современных подростков доминируют аддиктивные и самоповреждающие формы, при этом ключевыми детерминантами выступают не только традиционные микросоциальные факторы, но и новые вызовы, связанные с цифровой социализацией. *Цель исследования* – выявить особенности девиантного поведения современных подростков и определить научно обоснованные направления психолого-педагогической профилактики.

Методы теоретического анализа отечественной и зарубежной литературы, описания, систематизации и обобщения. *Теоретические основы* изучения девиантного поведения: труды отечественных (Я.И. Гилинский, Е.В. Змановская, А.Е. Личко, В.Д. Менделевич, Д.И. Фельдштейн) и зарубежных (Э. Дюркгейм, Р. Мертон, Э. Эриксон) учёных. **Результаты.** Выявлены особенности, факторы и механизмы проявления девиантного поведения у современных подростков (12-17 лет), а также направления его профилактики в условиях трансформации социальной и цифровой среды. Раскрыто содержание понятия «девиантное поведение». Установлено, что девиантное поведение имеет сложную внутреннюю структуру, включающую мотивационно-ценностный, когнитивный, эмоционально-волевой и поведенческий компоненты, что требует комплексного воздействия при организации профилактической работы. Выявлены психологические и возрастные предпосылки формирования девиантного поведения в подростковом возрасте. Систематизированы социальные детерминанты и факторы риска в современной подростковой среде. Выделена новая группа рисков, связанных с цифровой социализацией. Охарактеризованы основные формы и динамика девиантного поведения. Обоснована трехуровневая модель, предполагающая работу со всеми обучающимися, с группой риска и с подростками, имеющими устойчивые девиации. Ключевыми условиями эффективности названы: непрерывность, комплексность, позитивная направленность, участие самих подростков (наставничество, волонтерство) и межведомственное взаимодействие. Разработаны адресные практические рекомендации для педагогов и родителей. Подчёркнута необходимость скоординированной работы семьи и школы с чёткими правилами и регулярным обменом информацией. Систематизированы социальные детерминанты и факторы риска (включая цифровую среду). Охарактеризованы основные формы и динамика девиантного поведения. Обобщены подходы к профилактике и представлены практико-ориентированные рекомендации. **Выводы.** Проведённое теоретическое исследование подтверждает необходимость системного, межведомственного подхода к профилактике девиантного поведения, учитывающего комплекс биологических, психологических, социальных и новых цифровых факторов. Своевременная, адресная и поддерживающая (а не карательная) психолого-педагогическая работа способна снизить риски формирования устойчивых форм отклоняющегося поведения и способствовать успешной социализации подростков. Профилактика девиантного поведения будет эффективной при условии интеграции усилий семьи, школы и учёта киберрисков. **Заключение.** Полученные результаты и сформулированные рекомендации могут быть использованы в деятельности педагогов-психологов, социальных педагогов и классных руководителей общеобразовательных школ для раннего выявления подростков группы риска, организации профилактической работы и коррекции поведенческих нарушений. Материалы работы целесообразно применять при проведении родительских собраний, педагогических советов, методических объединений, а также в системе повышения квалификации работников образования. Рекомендации по профилактике киберрисков являются актуальными в условиях высокой цифровизации подростковой среды.

Ключевые слова: девиантное поведение, современные подростки, цифровая среда, социальный контроль, киберагрессия, интернет-зависимость, влияние социальных сетей, цифровая социализация, семья, школа, сверстники, макросоциальные условия

Для цитирования: Ташу Д.А., Игнатович С.С. Психологические и возрастные предпосылки возникновения девиантного поведения в подростковом возрасте // Педагогика: история, перспективы 2026. Том 9. № 3. С.100-131 EDN: RBZJTI, DOI: 10.17748/2686–9969–2025-9-3-100-131

Благодарность: Авторы искренне благодарят рецензентов за проведение слепого анонимного рецензирования данной статьи. Особую признательность вызывает конструктивная обратная связь и продуктивный научный диалог, повышающие эффективность исследования.

Original article

PSYCHOLOGICAL AND AGE-RELATED PREREQUISITES FOR THE EMERGENCE OF DEVIANT BEHAVIOR IN ADOLESCENCE

Diana A. Tashu

Kuban State University
Krasnodar, Russia
azaxaxq@gmail.com

Svetlana S. Ignatovich

Kuban State University
ORCIDID <https://orcid.org/0000-0003-0479-6117>
Researcher ID Web of Science: AAD-7258-2019
Krasnodar, Russia
ssign67@mail.ru

Abstract. Introduction. The paper aims to identify the characteristics, factors, and mechanisms underlying the manifestation of deviant behavior among contemporary adolescents (aged 12–17), as well as to outline approaches to its prevention in the context of the transformation of the social and digital environment. The relevance of the topic stems from the fact that deviant behavior among today's adolescents is increasingly spreading within the digital space, accompanied by the erosion of traditional prohibitions, the accessibility of destructive content, and the declining effectiveness of conventional social control mechanisms. The research hypothesis posits that addictive and self-harming forms of behavior predominate in the structure of deviant behavior exhibited by modern adolescents. It is further assumed that key determinants include not only traditional microsocial factors but also new challenges associated with digital socialization. The objective of the study is to

reveal the specific features of deviant behavior in contemporary adolescents and to define evidence-based directions for psychological and pedagogical prevention. The methods employed comprise a theoretical analysis of domestic and foreign literature, along with description, systematization, and generalization. The theoretical framework for studying deviant behavior draws on the works of Russian scholars (Ya. I. Gilinsky, E. V. Zmanovskaya, A. E. Lichko, V. D. Mendelevich, D. I. Feldshtein) and international researchers (É. Durkheim, R. Merton, E. Erikson). **Results.** The study identified the characteristics, factors, and mechanisms of deviant behavior manifestation among modern adolescents (aged 12–17) and delineated prevention strategies in light of the evolving social and digital environment. The concept of “deviant behavior” was elaborated. It was established that deviant behavior possesses a complex internal structure encompassing motivational-value, cognitive, emotional-volitional, and behavioral components. This complexity necessitates a comprehensive approach to preventive interventions. The psychological and age-related prerequisites for the development of deviant behavior during adolescence were identified. Social determinants and risk factors in the current adolescent environment were systematized, and a new category of risks related to digital socialization was highlighted. The main forms and dynamics of deviant behavior were described. A three-tiered model was substantiated, involving work with all students, those in the risk group, and adolescents exhibiting persistent deviant patterns. Key conditions for effectiveness were identified as continuity, comprehensiveness, a positive focus, the active involvement of adolescents themselves (through mentoring and volunteering), and inter-agency collaboration. Targeted practical recommendations for educators and parents were developed. The importance of coordinated efforts between family and school – characterized by clear rules and regular information exchange – was emphasized. Social determinants and risk factors, including those related to the digital environment, were systematized. Approaches to prevention were summarized, and practice-oriented recommendations were presented. **Conclusion.** The conducted theoretical study confirms the need for a systemic, interagency approach to the prevention of deviant behavior, one that accounts for a combination of biological, psychological, social, and emerging digital factors. Timely, targeted, and supportive (rather than punitive) psychological and pedagogical interventions can reduce the risks of developing persistent patterns of deviant behavior and promote the successful socialization of adolescents. Effective prevention requires the integration of efforts by family, school, and other stakeholders, with due consideration of cyber risks. The findings and recommendations may be applied in the work of educational psychologists, social educators, and homeroom teachers in general education schools to facilitate early identification of at-risk adolescents, organize preventive activities, and address behavioral issues. The materials are suitable for use in parent meetings, pedagogical councils, methodological associations, and professional development programs for education professionals. Recommendations for preventing cyber risks are particularly relevant given the high level of digitalization in the adolescent environment.

Keywords: deviant behavior, modern adolescents, digital environment, social control, cyber aggression, internet addiction, influence of social media, digital socialization, family, school, peers, macro-social conditions

For Citation: Tashu D.A., Ignatovich S.S. Psychological and Age-Related Prerequisites for the Emergence of Deviant Behavior in Adolescence. Pedagogy: History, Prospects 2026. Vol. 9. No. 3. P. 100-131. (In Russ.). EDN: RBZJTI, DOI: 10.17748/2686–9969–2025-9-3-100-131

***Acknowledgements.** The authors express their sincere gratitude to the reviewers for conducting the blind peer review of this article. The valuable feedback and scientific dialogue provided by the reviewers have significantly contributed to the improvement of the research.*

Введение

Современное российское общество переживает сложный период трансформации ценностных ориентиров, социальных норм и форм межличностного взаимодействия. Традиционные институты социализации (семья, школа) утрачивают монополию на формирование личности подростка, уступая место новым агентам – интернет-среде, субкультурным сообществам, цифровым платформам. Подростковый возраст, являясь критическим этапом становления самосознания и идентичности, характеризуется повышенной уязвимостью к различным формам отклоняющегося поведения.

Актуальность темы обусловлена тем, что девиантное поведение современных подростков распространяется в цифровой среде, вместе с размыванием традиционных запретов, доступностью деструктивного контента и снижением эффективности традиционных механизмов социального контроля. В этих условиях понимание специфики проявлений девиантности в подростковой среде, выявление актуальных факторов риска и своевременная профилактика становятся ключевыми задачами психолого-педагогической науки и практики.

Теоретические основы изучения девиантного поведения заложены в трудах отечественных (Я.И. Гилинский, Е.В. Змановская, А.Е. Личко, В.Д. Менделевич, Д.И. Фельдштейн) и зарубежных (Э. Дюркгейм, Р. Мертон, Э. Эриксон) учёных. Однако большинство классических работ выполнены в иных социокультурных условиях и не учитывают специфику современной цифровой социализации. В последние годы появились отдельные публикации, посвящённые киберагрессии, интернет-зависимости и влиянию социальных сетей на подростков, однако комплексного анализа, объединяющего традиционные и новые формы девиантного поведения, недостаточно. Настоящая работа призвана восполнить этот пробел на уровне теоретического обобщения.

Гипотеза исследования – предполагается, что в структуре девиантного поведения современных подростков доминируют аддиктивные и самоповреждающие формы, при этом ключевыми детерминантами выступают не только традиционные микросоциальные факторы (семейное неблагополучие, школьная дезадаптация), но и новые вызовы, связанные с цифровой социализацией (киберагрессия, интернет-

зависимость, деструктивный контент). Профилактика девиантного поведения будет эффективной при условии интеграции усилий семьи, школы и учёта киберрисков.

Цель исследования – описать и систематизировать особенности девиантного поведения современных подростков, а также определить научно обоснованные направления психолого-педагогической профилактики.

Исследование опирается на системный подход, культурно-историческую концепцию Л.С. Выготского (роль социальной ситуации развития), теорию идентичности Э. Эриксона (кризис идентичности в подростковом возрасте), а также современные работы в области девиантологии и цифровой социализации.

Теоретическую базу составили труды классиков психологии (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин) и современных авторов (Е.В. Змановская, А.Е. Личко, В.Д. Менделевич, Ю.А. Клейберг, Л.Б. Шнейдер), а также научные статьи, посвящённые цифровым формам девиантного поведения за последние 5–7 лет.

Методы

В статье использованы методы теоретического анализа, вторичный анализ эмпирических данных, представленных в современных научных публикациях, и логическое моделирование профилактических подходов.

Результаты исследования позволяют уточнить и дополнить представления об особенностях девиантного поведения именно современных подростков с учётом влияния цифровой среды и трансформации семейных моделей. Сформулированные выводы и рекомендации могут быть использованы в деятельности педагогов-психологов, социальных педагогов и классных руководителей при организации профилактической работы, а также в системе повышения квалификации работников образования.

Обзор литературы

Феномен отклоняющегося поведения традиционно изучается на стыке нескольких дисциплин – психологии, педагогики, социологии, криминологии и психиатрии. Именно эта междисциплинарность порождает множество определений, ни одно из которых не является общепринятым. В самом общем виде под девиантным поведением (от лат. *deviatio* – отклонение) понимают поведение личности, не соответствующее официально установленным или фактически сложившимся социальным нормам. Однако ключевая проблема кроется в относительности самого понятия «норма». То, что в одной культуре или в одну историческую эпоху считалось недопустимым, в другой воспринимается как вариант нормы. Например, татуировки и пирсинг, ещё несколько десятилетий назад однозначно относившиеся к девиантным атрибутам, сегодня стали массовым явлением и не воспринимаются как отклонение. Данный тезис приобретает особую значимость при анализе современного подросткового поведения, границы нормативного и девиантного в котором стремительно размываются под влиянием интернет-субкультур.

В настоящей работе принимается позиция, согласно которой для психолого-педагогической практики наиболее значимы не столько формально-юридические

критерии девиантности, сколько те её формы, которые реально препятствуют социализации подростка, угрожают его психологическому здоровью или безопасности окружающих. Поэтому в фокусе внимания далее находятся прежде всего негативные, деструктивные виды отклоняющегося поведения [1].

Многие исследователи (Е.В. Змановская, Ю.А. Клейберг, В.Д. Менделевич) сходятся во мнении, что девиантное поведение – это не отдельный поступок, а целостное личностное образование, имеющее внутреннюю структуру. Традиционно выделяют четыре взаимосвязанных компонента:

- мотивационно-ценностный компонент – совокупность побуждений, потребностей, ценностных ориентаций, направляющих индивида на совершение девиантных действий (часто источником выступают неудовлетворённые потребности или деформированные ценности);
- когнитивный компонент – особенности мышления, представлений о социальных нормах, уровень осознания последствий своих действий (при девиантном поведении нередко наблюдается искажённое отражение общественных отношений);
- эмоционально-волевой компонент – эмоциональные состояния, сопровождающие девиантные поступки (агрессия, тревога, фрустрация, аффект), а также способность индивида к самоконтролю;
- поведенческий компонент – непосредственно действия или бездействие, квалифицируемые как отклоняющиеся от социальных норм (вербальные и практические проявления).

Для наглядного представления внутренней организации девиантного поведения был составлен рисунок 1.

Рисунок 1 – Структура девиантного поведения

Figure 1 – Structure of deviant behavior

В контексте подросткового возраста особый интерес представляет анализ взаимосвязи между эмоционально-волевым и поведенческим компонентами. Именно недостаточная сформированность волевого контроля на фоне гормональной перестройки и возрастного эгоцентризма объясняет, почему многие подростки совер-

шают девиантные поступки импульсивно, а не в результате осознанного выбора. Данный вывод имеет прямое значение для разработки профилактических мер: воздействуя на эмоционально-волевую сферу, можно предотвратить внешние поведенческие срывы [2].

В научной литературе представлено множество классификаций девиантного поведения. Одни авторы делят девиации по направленности (позитивные – гениальность, героизм; негативные – преступность, наркомания). Другие – по степени социальной опасности (асоциальные, делинквентные, криминальные). Третьи – по механизмам возникновения (аддиктивные, патохарактерологические, психопатологические). Ни одна из этих классификаций не является универсальной. Разделение на позитивные и негативные девиации полезно для философского осмысления, однако малоприменимо в практике школьного психолога. Напротив, выделение аддиктивного, агрессивного и суицидального поведения представляется более практичным.

Для целей данной работы наиболее релевантной является классификация, предложенная Ю.А. Клейбергом. Помимо негативных и позитивных девиаций, он выделяет социально-нейтральные (например, странности характера, чужачество). Данное разграничение важно для различения того, что действительно требует коррекции, а что остаётся в рамках возрастной нормы. Многие поступки современных подростков (эпатажный внешний вид, сленг, музыкальные предпочтения) воспринимаются взрослыми как отклонение, но по сути являются лишь формой самовыражения и не препятствуют социализации. Педагог, согласно такому подходу, обязан это различать [3].

Отдельного внимания заслуживает соотношение понятий «девиантное» и «делинквентное» поведение. Делинквентное поведение (от лат. *delinquens* – совершающий проступок) представляет собой разновидность девиантного поведения, выражающуюся в антиобщественных противоправных действиях. В отличие от девиантного поведения, которое может быть как негативным, так и позитивным, делинквентное всегда является антисоциальным. В крайних проявлениях делинквентное поведение переходит в криминальное.

В обыденном сознании эти понятия часто смешивают, но для педагогической работы разница принципиальна. Если девиантное поведение может корректироваться методами воспитания и психологической поддержки, то делинквентное уже требует взаимодействия с правоохранительными органами. При этом следует учитывать, что запущенные формы девиантного поведения у подростков могут перерасти в делинквентные, поэтому ранняя профилактика приобретает критическое значение [4].

Анализ литературы показывает, что теория девиантного поведения в её классическом виде (работы 1960-1990-х гг.) не в полной мере учитывает реалии цифровой социализации. Интернет-зависимость, кибербуллинг, участие в деструктивных онлайн-сообществах – всё это новые формы девиаций, которые не вписываются в

старые классификации. Современные исследователи (Е.В. Змановская, Л.Б. Шнейдер) предпринимают попытки расширить понятийный аппарат, однако на данный момент единой терминологической системы не существует. Это создаёт объективные трудности как для диагностики, так и для профилактики [4].

Таким образом, девиантное поведение представляет собой многомерный, динамичный феномен, понимание которого требует учёта культурно-исторического контекста и возрастных особенностей. Для психолого-педагогической работы с подростками наиболее значимыми являются негативные формы девиантности (аддиктивная, агрессивная, суицидальная и делинквентная), причём в последние годы всё большее влияние приобретают девиации, опосредованные цифровой средой. Прежде чем переходить к их анализу, необходимо рассмотреть психологические и возрастные предпосылки, которые делают подростков особенно уязвимыми для формирования отклоняющегося поведения.

Психологические и возрастные предпосылки возникновения девиантного поведения в подростковом возрасте

В психолого-педагогической науке подростковый возраст традиционно рассматривается как один из наиболее сложных и критических этапов психического развития. Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин, Л.И. Божович характеризовали его как переходный, переломный, сопровождающийся кардинальной перестройкой всех сфер личности – интеллектуальной, эмоциональной, мотивационной. Именно в этот период, согласно многочисленным исследованиям, возникает наибольшая опасность формирования устойчивых форм девиантного поведения. Понимание природы и механизмов возрастных изменений является необходимым условием для построения эффективной системы профилактики отклоняющегося поведения в подростковой среде.

Биологической основой подросткового периода выступает пубертатный этап полового созревания – интенсивный процесс нейроэндокринных изменений, в ходе которого организм ребёнка трансформируется в организм взрослого человека. Активация гипоталамо-гипофизарной системы приводит к повышенной секреции половых гормонов (тестостерона у юношей и эстрогенов у девушек), что обуславливает не только физическое развитие, но и существенные сдвиги в эмоционально-волевой сфере [5].

На первом этапе полового созревания (приблизительно 10-12 лет) наблюдается дисбаланс нервных процессов с преобладанием возбуждения над торможением. Как следствие, подростки дают повышенные и нередко неадекватные реакции на воздействия со стороны взрослых и сверстников. У девочек в большей степени выражены аффективные нарушения (беспричинная смена настроения, обидчивость, плаксивость), у мальчиков – поведенческие и двигательные (импульсивность, двигательная расторможенность, повышенная шумность).

На втором этапе (13-15 лет) происходит постепенная стабилизация взаимодействия между нервной, эндокринной и репродуктивной системами: снижается

общая раздражительность, появляется способность к более длительной концентрации внимания, выравнивается эмоциональный фон.

Особого внимания заслуживает тот факт, что поведенческие реакции в период пубертата во многом определяются возрастными-специфическими феноменами: реакцией эмансипации (стремление освободиться из-под опеки взрослых), реакцией группирования со сверстниками, реакцией увлечения (хобби-реакция), реакцией имитации и компенсации. Сами подростки зачастую не воспринимают свои поступки как «отклоняющиеся»; для них подобное поведение является естественным способом расширения границ индивидуального опыта, проверки социальных норм и утверждения собственной взрослости. Однако при отсутствии направляющего влияния со стороны семьи и школы эти возрастные реакции могут приобретать деструктивные, социально опасные формы [6].

Ключевое значение в генезе девиантного поведения принадлежит психологическим факторам, прежде всего акцентуациям характера. Согласно определению А.Е. Личко [7], акцентуации характера представляют собой крайние варианты нормы, при которых отдельные черты характера чрезмерно усилены, вследствие чего обнаруживается избирательная уязвимость в отношении определённого рода психогенных воздействий при хорошей и даже повышенной устойчивости к другим. В подростковом возрасте, на фоне гормональной перестройки и интенсивного формирования личности, акцентуации заостряются, приобретая характер «преходящих подростковых акцентуаций». С завершением пубертатного периода эти черты обычно сглаживаются, однако при неблагоприятных условиях могут закрепляться и трансформироваться в психопатии.

Многолетние клинико-психологические исследования под руководством А.Е. Личко позволили установить устойчивые корреляции между типами акцентуаций характера и формами отклоняющегося поведения.

Наиболее значимые взаимосвязи представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Акцентуации характера и связь с девиантным поведением

Table 1 – Character accentuations and connection with deviant behavior

Тип акцентуации	Проявления	Формы девиантного поведения
Гипертимный	Легкомыслие, жажда развлечений	Групповые правонарушения, алкоголизация
Эпилептоидный	Аффективные вспышки, дисфория	Агрессия, сексуальные эксцессы
Шизоидный	Замкнутость, скрытность	Одиочные кражи
Сенситивный	Ранимость, тревожность	Суицидальные попытки

Приведённые данные показывают, что каждый тип акцентуации связан с определёнными рисками девиантного поведения. Гипертимные подростки в силу своей чрезмерной активности, общительности и склонности к риску нередко стано-

вятся лидерами асоциальных групп, инициаторами групповых правонарушений и ранней алкоголизации. Эпилептоидные подростки, для которых характерны периоды дисфории (подавленно-злобного настроения), склонны к аффективным вспышкам, агрессивным действиям и сексуальным эксцессам. Шизоидные подростки, напротив, предпочитают действовать в одиночку, скрытно и обдуманно, что делает их склонными к таким формам делинквентного поведения, как кражи (особенно с использованием технических приспособлений). Сенситивные подростки, отличающиеся повышенной ранимостью, тревожностью и обострённым чувством неполноценности, наиболее уязвимы для суицидальных попыток в ситуациях неудач, отвержения или насмешек со стороны сверстников [8].

Центральным психологическим новообразованием подросткового возраста является становление самосознания и формирование Я-концепции. Л.И. Божович [3] подчёркивала, что именно в этом возрасте у ребёнка возникает особый комплекс потребностей, выражающийся в стремлении к самоопределению, к выходу за рамки детской субкультуры и приобщению к миру взрослых. Этот процесс сопровождается интенсивной рефлексией, попытками осмыслить свои способности, личностные качества, своё место среди других людей.

Согласно концепции Э. Эриксона, основная психологическая задача подросткового периода – формирование эго-идентичности, то есть целостного, непротиворечивого представления о себе. Решение этой задачи предполагает перебор возможных ролей, ценностей, идеалов. В нормативных условиях этот процесс завершается обретением положительной идентичности. Однако при неблагоприятном стечении обстоятельств (дефицит поддержки со стороны значимых взрослых, давление асоциальной среды, внутриличностные конфликты) у подростка может сформироваться синдром патологии идентичности. Его симптоматика включает диффузное, смутное представление о себе, хроническое чувство тревоги, ощущение изоляции и пустоты, страх перед близкими отношениями. В наиболее сложных случаях возникает негативная идентичность – сознательное отождествление себя с образами, оцениваемыми обществом как отрицательные (преступник, маргинал, неудачник). Именно негативная идентичность выступает мощнейшим катализатором девиантного поведения, поскольку подросток начинает строить свою жизнь в соответствии с усвоенными антисоциальными образами [9].

Кардинальная трансформация социальной ситуации развития – ещё один существенный фактор риска. Согласно периодизации Д.Б. Эльконина [10], ведущей деятельностью в младшем подростковом возрасте становится интимно-личностное общение со сверстниками, а центральным новообразованием – «чувство взрослости». Подросток уже не ребёнок, но ещё не взрослый; его положение между двумя мирами создаёт внутреннее напряжение. Стремление получить признание своей взрослости может реализовываться как в социально одобряемых формах (ответственность, самостоятельность), так и в девиантных – через нарушение запретов, демонстративное поведение, оппозицию авторитетам [11].

И.С. Кон [12], обобщая данные многочисленных исследований, выделяет три основных социальных фактора, способствующих девиантному поведению: школь-

ная дезадаптация (трудности в обучении, конфликты с педагогами), неблагополучие семейных отношений (дефицит эмоционального контакта, непоследовательность воспитания, асоциальный образ жизни родителей) и негативное влияние референтной группы сверстников. При этом действие этих факторов носит кумулятивный характер: каждый из них в отдельности повышает риск, а их сочетание многократно усиливает вероятность формирования устойчивых девиаций.

К числу основных психологических механизмов, опосредующих переход возрастных предпосылок в собственно девиантное поведение, относятся: имитация (подражание значимым взрослым или сверстникам, демонстрирующим асоциальные образцы поведения), социальное научение (усвоение девиантных форм через наблюдение и подкрепление), фрустрационная агрессия (реакция на невозможность удовлетворить значимые потребности), а также идентификация с асоциальной группой, которая даёт подростку ощущение принадлежности и защищённости при дефиците этих чувств в семье или школе [13].

Наибольший риск формирования отклоняющегося поведения, согласно данным возрастной психологии, приходится на возрастной интервал 10-12 лет – начальная фаза подросткового кризиса. В этот период ситуативные поведенческие реакции, возникающие в ответ на конкретные трудности, при отсутствии своевременной психолого-педагогической коррекции могут закрепляться, становясь устойчивыми личностными чертами. Именно поэтому ранняя диагностика и профилактика, направленные на выявление подростков группы риска ещё до того, как ситуативные реакции перейдут в стереотип девиантного поведения, приобретают решающее значение.

Таким образом, девиантное поведение в подростковом возрасте детерминировано комплексным взаимодействием трёх групп факторов. Физиологические предпосылки (гормональная перестройка, дисбаланс нервных процессов) создают общий фон эмоциональной нестабильности и повышенной реактивности. Психологические предпосылки (акцентуации характера, кризис идентичности, становление самосознания) определяют индивидуальную уязвимость подростка к определённым видам психогенных воздействий. Социально-психологические предпосылки (особенности семейного воспитания, школьная среда, влияние сверстников) выступают в качестве пусковых механизмов, которые в условиях благоприятной среды могут нейтрализоваться, а в неблагоприятной – актуализировать и закрепить девиантные формы поведения. Понимание этой многофакторной этиологии является необходимым основанием для разработки научно обоснованных программ профилактики отклоняющегося поведения.

Социальные детерминанты и факторы риска в современной подростковой среде

В современной девиантологии под факторами риска понимается совокупность внешних и внутренних условий, повышающих вероятность формирования и закрепления отклоняющихся форм поведения у подростков. В научной литературе (Е.В. Змановская, В.Д. Менделевич, Ю.А. Клейберг) принято различать три основ-

ные группы факторов: биологические (наследственность, органические поражения ЦНС), психологические (акцентуации характера, дефекты саморегуляции) и социальные (микросоциальные, институциональные, макросоциальные). Поскольку в рамках данного параграфа рассматриваются именно социальные детерминанты, а биологические и психологические предпосылки были проанализированы в предыдущей главе, основное внимание будет уделено условиям социальной среды, в которой происходит социализация современного подростка.

Семья традиционно признаётся важнейшим институтом первичной социализации, закладывающим базовые нормы, ценности и паттерны поведения. Вместе с тем современная семья претерпевает серьёзные трансформации: увеличивается число неполных семей, растёт занятость родителей вне дома, ослабевают внутрисемейные коммуникации. Согласно статистическим данным, приведённым в аналитическом обзоре за 2023 год, более 30% подростков, совершивших правонарушения, воспитываются в неполных семьях, а каждый четвёртый характеризует отношения с родителями как конфликтные или отчуждённые [14].

К числу наиболее значимых семейных факторов риска исследователи относят:

- структурно-демографические (неполная семья, низкий материальный достаток, многодетность при дефиците ресурсов);
- социально-психологические (гиперопека или гипоопека, эмоциональное отвержение, жестокое обращение, асоциальный образ жизни родителей, злоупотребление алкоголем или наркотиками в семье);
- культурно-ценностные (падение престижа семьи как института, нарушение межпоколенческой коммуникации, отсутствие общих семейных традиций и ритуалов).

Важно подчеркнуть, что влияние семьи не является прямолинейным. Одна и та же воспитательная практика (например, строгий контроль) может оказывать противоположное действие в зависимости от личностных особенностей подростка и общей атмосферы в семье. Тем не менее, многочисленные лонгитюдные исследования подтверждают, что сочетание нескольких неблагоприятных семейных факторов (например, низкий доход плюс эмоциональное отвержение плюс конфликтность) почти со стопроцентной вероятностью приводит к формированию у подростка девиантных тенденций [12].

Образовательная организация является вторым по значимости институтом социализации. В идеальной модели школа должна не только транслировать знания, но и формировать социально приемлемые способы поведения, обеспечивать психологический комфорт и поддерживать позитивную самооценку. Однако на практике школа нередко сама провоцирует девиантное поведение.

К институциональным факторам риска относятся:

- дидактогенные – систематическая неуспеваемость, несоответствие учебной нагрузки индивидуальным возможностям, отсутствие индивидуального подхода;

- коммуникативные – конфликтные отношения с учителями, неприятие одноклассниками, буллинг со стороны сверстников;
- организационные – ослабление взаимодействия семьи и школы, формальный подход к воспитательной работе, недостаточная квалификация педагогов в вопросах возрастной психологии.

Особую тревогу вызывает тенденция к «выталкиванию» проблемных подростков из образовательной среды. Практика отчисления или перевода в специальные учебные заведения без адекватного психолого-педагогического сопровождения не снижает, а, напротив, повышает риск делинквентного поведения, поскольку подросток оказывается в среде себе подобных, где девиантные нормы становятся групповыми [15].

Влияние референтной группы сверстников. В подростковом возрасте ведущей деятельностью становится интимно-личностное общение со сверстниками (по Д.Б. Эльконину [10]). Группа сверстников выступает для подростка главным источником социального признания, эталоном для сравнения и полем для самоутверждения. Влияние референтной группы может быть как позитивным (поддержка, совместная деятельность, ориентация на достижения), так и негативным.

Факторы группового риска включают:

- давление группы с целью склонить подростка к антисоциальным действиям («слабо», «все так делают»);
- имитация делинквентного поведения лидеров, пользующихся авторитетом;
- идентификация с асоциальной субкультурой (криминальная романтика, уличные банды, экстремистские сообщества).

При этом чем слабее связи подростка с семьёй и школой, тем сильнее его зависимость от мнения сверстников. Если семья и школа создают «воспитательный вакуум», он неизбежно заполняется уличной или интернет-компанией, где девиантные нормы могут оказаться единственно доступными. Этот феномен получил в социологии название «теория дифференциальной ассоциации» (Э. Сатерленд): девиантному поведению обучаются в процессе общения с носителями девиантных норм [11].

Системное представление о микросоциальных факторах риска даёт таблица 2.

Таблица 2 – Микросоциальные факторы риска девиантного поведения подростков
Table 2 – Microsocial risk factors for deviant behavior in adolescents

Уровень	Группа факторов	Конкретные проявления
Семья	Структурно-демографические	Неполная семья, многодетность, низкий материальный достаток
	Социально-психологические	Гиперопека, гипоопека, жестокое обращение, эмоциональное отвержение, асоциальный образ жизни родителей

	Культурно-ценностные	Падение престижа семьи, нарушение межпоколенческой коммуникации
Школа	Дидактогенные	Низкая успеваемость, неуспешность в учебной деятельности
	Коммуникативные	Конфликты с педагогами, непринятие классным коллективом
	Организационные	Ослабление взаимодействия семьи и школы
Сверстники	Групповые	Давление асоциальной группы, приоритет мнения сверстников над мнением родителей
	Коммуникативные	Имитация делинквентного поведения лидеров, идентификация с асоциальной субкультурой

Помимо непосредственного окружения, на формирование девиантного поведения влияют факторы макроуровня: экономическое неравенство, региональные особенности рынка труда, эффективность государственной молодёжной политики, доступность досуговых учреждений, идеологическая атмосфера в обществе. Исследования последних лет (Бубновская, Якубенко, 2024 [4]) показывают, что связь между бедностью и девиантностью не является прямой и однозначной. При равном уровне материального благосостояния подростки, включённые в социально поддерживающие сети (спортивные секции, волонтёрские проекты, позитивные онлайн-сообщества), демонстрируют значительно более низкие показатели девиантного поведения, чем их изолированные сверстники [2].

Недостаточная эффективность профилактических программ, слабая координация между учреждениями образования, здравоохранения и социальной защиты также являются макрофакторами, повышающими уязвимость подростков. В ряде регионов отсутствуют доступные психологические службы, а школьные психологи перегружены или не имеют достаточной квалификации для работы с подростками группы риска [16].

Отдельного рассмотрения заслуживает принципиально новая группа детерминант, отсутствовавшая в классических девиантологических теориях, – факторы, связанные с цифровой социализацией. Современные подростки проводят в интернете в среднем от 4 до 8 часов в день, и виртуальная среда становится для них полноценным пространством жизнедеятельности, со своими нормами, правилами и рисками.

Важный вывод, вытекающий из анализа литературы: факторы риска редко действуют изолированно. Чаще имеет место их кумулятивное (накопительное) воздействие. Чем больше неблагоприятных факторов присутствует в жизни подростка – семейных, школьных, групповых, цифровых, – тем выше вероятность формирования устойчивых поведенческих девиаций. При этом отдельные факторы могут взаимно усиливать друг друга. Например, конфликтные отношения в семье повы-

шают чувствительность подростка к школьным неудачам, а те, в свою очередь, толкают его в асоциальную уличную или интернет-компанию.

Обратная сторона этого явления – существование протективных (защитных) факторов. К ним относятся: эмоционально тёплые отношения хотя бы с одним из родителей, увлечённость социально одобряемым хобби (спорт, искусство, техника), наличие взрослого наставника (учитель, тренер, старший друг), развитые навыки саморегуляции и рефлексии. Исследования показывают, что даже при наличии нескольких факторов риска наличие хотя бы одного сильного протективного фактора может предотвратить формирование девиантного поведения [14].

Для наглядного представления всех описанных групп факторов предлагается схема, изображённая на рисунке 2.

Рисунок 2 – Факторы риска девиантного поведения современных подростков
Figure 2 – Risk factors for deviant behavior in modern teenagers

Социальные детерминанты девиантного поведения современных подростков представляют собой многоуровневую систему, включающую микросреду (семья, школа, сверстники), макросреду (экономические и политические условия) и качественно новый уровень – цифровую среду. Ни один из этих факторов не является абсолютной причиной отклоняющегося поведения, однако их сочетание в неблагоприятной конфигурации многократно повышает риск. Эффективная профилактика невозможна без учёта всей совокупности факторов риска и адресного воздействия на наиболее значимые из них с опорой на протективные факторы.

Основные формы и динамика девиантного поведения

В современной девиантологии отсутствует единая, общепринятая классификация форм отклоняющегося поведения. Это обусловлено как междисциплинарным характером самого феномена, так и исторической изменчивостью представлений о норме и патологии. Наиболее распространённым является подход, в рамках которого выделяют три основных типа девиаций: делинквентное (противоправное), аддик-

тивное (зависимое) и патохарактерологическое (обусловленное акцентуациями и психопатиями) поведение.

В контексте анализа особенностей поведения современных подростков (в отличие от подростков предыдущих поколений) необходимо учитывать появление качественно новых форм девиаций, связанных с цифровой средой: киберагрессию (троллинг, хейтинг, кибербуллинг), интернет-зависимость (включая зависимость от социальных сетей и онлайн-игр), а также участие в деструктивных интернет-сообществах (так называемые «группы смерти», прокриминальные и экстремистские форумы). Эти формы не вписываются в традиционные классификации, требующие их пересмотра и расширения.

Под делинквентным поведением понимаются противоправные действия несовершеннолетних, влекущие административную или уголовную ответственность. Наиболее распространёнными деликтами среди подростков являются кражи, грабежи, хулиганство, нанесение телесных повреждений, а также незаконный оборот наркотиков. Анализ статистических данных за 2020–2024 годы показывает, что, несмотря на общее снижение числа зарегистрированных преступлений среди несовершеннолетних в России (связываемое в том числе с эффектом пандемийных ограничений), структура делинквентности меняется: растёт доля киберпреступлений (мошенничество в интернете, взлом аккаунтов) и преступлений, совершаемых под влиянием деструктивного онлайн-контента [11].

Важная особенность подростковой делинквентности – её групповой характер. Более 60% правонарушений совершается несовершеннолетними в составе группы, причём часто инициатором выступает старший или авторитетный лидер. Это связано с действием механизма группового давления и конформности, который в подростковом возрасте достигает пика. Раннее вовлечение в криминальную субкультуру (например, через участие в «околоуголовных» интернет-пабликах) существенно затрудняет последующую ресоциализацию.

Аддиктивное (зависимое) поведение проявляется в стремлении к уходу от реальности путём изменения психического состояния с помощью психоактивных веществ (алкоголь, табак, наркотики) или поглощения определённых видов деятельности (азартные игры, компьютерные игры, трудовголизм). Для подросткового возраста наиболее характерны следующие аддикции:

- химические: алкоголизация (часто в форме эпизодического, но злоупотребляющего питья), табакокурение, употребление лёгких наркотиков (марихуана, соли), сниффинг (вдыхание бытовой химии);
- поведенческие: игровая зависимость (лудомания) в наземных казино и онлайн; интернет-зависимость (неконтролируемое времяпрепровождение в соцсетях, зависание в видеохостингах); зависимость от просмотра порнографического контента.

По данным обзорных исследований (Шнейдер, 2021[17]; Менделевич,[18]) 2023), возраст первого употребления алкоголя в России составляет в среднем 12-13 лет, а табака – 11-12 лет. Раннее начало употребления ПАВ связывается с высокими рисками формирования хронической зависимости во взрослом возрасте, а также с сопутствующими девиантными проявлениями (прогулы, кражи, ранние половые связи, агрессия) [9].

Особую тревогу вызывает распространение в подростковой среде так называемого «вязкого» (незаметного для окружающих) аддиктивного поведения – использования электронных сигарет и вейпов, которые воспринимаются как «безопасные», но на деле формируют никотиновую зависимость и нормализуют ритуальное употребление психоактивных веществ.

Агрессивное поведение включает действия, направленные на причинение физического или психологического вреда другому человеку. Выделяют физическую (драки, избиения, нанесение телесных повреждений) и вербальную (оскорбления, угрозы, унижения) агрессию, а также косвенную (сплетни, интриги, повреждение имущества). Наиболее изученной формой подростковой агрессии является школьный буллинг – систематическое преследование одного учащегося другими. Согласно мета-аналитическим данным, в буллинг в той или иной роли (жертва, агрессор, наблюдатель) вовлечены до 30-40% учащихся средней школы [4].

Агрессивное поведение подростков имеет возрастную динамику: пик физической агрессии приходится на 13-15 лет, затем постепенно снижается, уступая место вербальным и косвенным формам. У девушек агрессия чаще проявляется в виде социальной изоляции, распространения слухов, интриг (так называемая «реляционная агрессия»). Важно различать реактивную агрессию (ответ на фрустрацию, воспринимаемую как враждебную) и инструментальную (используемую для достижения цели – отнять вещь, заставить подчиниться). В подростковой среде преобладает реактивная агрессия, часто возникающая импульсивно, на фоне несформированного самоконтроля.

Аутоагрессивное поведение включает как завершённые суициды, так и суицидальные попытки, а также парасуицидальные действия (демонстративно-шантажное поведение) и несуицидальное самоповреждающее поведение (селфхарм). Согласно данным ВОЗ и российских мониторингов, уровень завершённых суицидов среди подростков в России остаётся стабильно высоким (третье место среди причин смерти в возрастной группе 15-19 лет). Пик суицидальной активности приходится на 15-17 лет, при этом мальчики чаще реализуют суицид «тяжёлыми» способами (падение с высоты, повешение), а девочки – «лёгкими» (отравления, порезы), что объясняет разницу в соотношении попыток и завершённых суицидов [19].

Факторами риска суицидального поведения выступают: депрессивные состояния (нередко скрытые, маскируемые под подростковый нигилизм), переживание отвержения в референтной группе, семейные конфликты, а также воздействие деструктивного интернет-контента (пропаганда суицида, «группы смерти», депрессивные паблики). Самоповреждающее поведение (порезы, ожоги, удары) рассматривается как способ совладания с невыносимым аффектом, «заземления» психической боли, а не обязательно как истинное суицидальное намерение. Тем не менее, эпизоды селфхарма многократно повышают риск завершённого суицида в будущем.

Распространение информационно-коммуникационных технологий привело к возникновению девиантных форм поведения, не имеющих аналогов в офлайн-среде. К наиболее распространённым кибердевиациям подростков относятся:

- кибербуллинг – целенаправленные агрессивные действия в цифровом пространстве (рассылка оскорблений, создание фейковых аккаунтов, публикация унижительного контента);
- киберсталкин – преследование с использованием цифровых технологий;
- хейтинг – травля публичных личностей или сетевое «тролльство» в комментах;
- интернет-зависимость – патологическое влечение к онлайн-активности, сопровождающееся социальной изоляцией, нарушениями сна и учебной деятельности;
- участие в деструктивных онлайн-сообществах (экстремистских, суицидальных, прокриминальных, анорексических и др.);
- киберрискованное поведение (публикация интимного контента, опасные селфи, участие в интернет-челленджах).

Особенность кибердевиаций – их скрытый характер для семьи и школы (травля идёт за пределами стен учебного заведения), а также эффект анонимности, снижающий эмпатию и чувство ответственности. Современные исследования (Навигатор профилактики, 2025) показывают, что более 30% подростков сталкивались с кибербуллингом, а около 15% – участвовали в нём в качестве агрессора [20].

На основе обобщения данных лонгитюдных исследований можно выделить следующую динамику:

- 10-12 лет: начало подросткового кризиса; преобладают реакции оппозиции и имитации (прогулы, уходы из дома, демонстративное непослушание); возникают первые пробы алкоголя и табака.
- 13-15 лет: пик делинквентных и агрессивных проявлений; активно формируется аддиктивное поведение; повышается риск суицидальных попыток (особенно у девушек); максимальная вовлечённость в асоциальные группы сверстников.
- 16-17 лет: частичная стабилизация; снижение уровня физической агрессии,

переход к вербальным формам; пик саморазрушительного поведения (суициды, завершённые алкоголизация); начинают действовать факторы профессионализации и романтических отношений как протекторы.

Важно отметить, что отдельные формы девиаций не существуют изолированно: между ними наблюдаются высокие корреляции. Подросток, злоупотребляющий алкоголем, с высокой вероятностью демонстрирует также агрессивное и делинквентное поведение. Для наглядного представления рассмотренных форм и их динамики предлагается схема, изображённая на рисунке 3.

Рисунок 3 – Основные формы девиантного поведения современных подростков и их возрастная динамика

Figure 3 – The main forms of deviant behavior of modern teenagers and their age dynamics

Девиантное поведение современных подростков представляет собой сложный, динамичный феномен, включающий как традиционные формы (делинквентную, аддиктивную, агрессивную, аутоагрессивную), так и качественно новые, опосредованные цифровой средой (кибербуллинг, интернет-зависимость и др.). Каждая из форм имеет свои возрастные пики и механизмы формирования. Важнейшая особенность современного этапа – взаимное усиление и наложение девиаций, а также расширение пространства их реализации. Понимание конкретных форм и их возрастной специфики необходимо для разработки адресных профилактических и коррекционных программ.

Направления профилактики и коррекции девиантного поведения подростков

Системный подход к профилактике девиантного поведения в образовательной среде

В современной психолого-педагогической науке под профилактикой девиантного поведения понимается комплекс мер, направленных на предупреждение возникновения и развития отклоняющихся форм поведения, а также на раннюю коррекцию выявленных нарушений. Наибольшее признание получила трехуровневая модель профилактики, выделяющая первичный, вторичный и третичный уровни. Дан-

ная модель, адаптированная Всемирной организацией здравоохранения для профилактики поведенческих расстройств, успешно применяется в системе образования.

Первичная профилактика ориентирована на всех обучающихся и направлена на создание условий, препятствующих формированию девиантного поведения. Её задачи – повышение психологической компетентности педагогов и родителей, формирование у подростков навыков здорового образа жизни, конструктивного разрешения конфликтов, стрессоустойчивости. К формам первичной профилактики относятся: включение в учебные планы курсов по психологии общения и эмоциональной регуляции, организация досуговой занятости, развитие системы ученического самоуправления, просветительская работа с родителями на классных собраниях.

Вторичная профилактика направлена на работу с «группой риска» – подростками, у которых уже выявлены отдельные поведенческие нарушения или факторы риска (неуспеваемость, конфликтность, эпизодическое употребление ПАВ, тревожность). Она включает психолого-педагогическую диагностику, индивидуальное и групповое консультирование, социально-психологические тренинги, вовлечение во внеурочную деятельность по интересам. Ключевой принцип вторичной профилактики – своевременность: чем раньше выявлены признаки дезадаптации, тем выше эффективность коррекционных мероприятий.

Третичная профилактика представляет собой комплекс мер, направленных на реабилитацию подростков со сформированными формами девиантного поведения (алкоголизм, наркомания, делинквентность, суицидальные попытки). Она осуществляется межведомственно – с участием психологов, социальных педагогов, инспекторов ПДН, наркологов, психиатров. В образовательной среде третичная профилактика реализуется через индивидуальные планы сопровождения, организацию наставничества, взаимодействие с центром психолого-педагогической помощи.

Системное представление об уровнях профилактики даёт таблица 3.

Таблица 3 – Уровни профилактики девиантного поведения в образовательной среде
Table 3 - Levels of prevention of deviant behavior in the educational environment

Уровень	Целевая группа	Основные задачи	Формы работы
Первичный	Все обучающиеся	Формирование социально-позитивных установок, повышение психологической устойчивости	Образовательные модули по эмоциональному интеллекту, классные часы, тренинги общения, вовлечение в кружки и секции, просвещение родителей
Вторичный	Подростки «группы риска»	Раннее выявление и коррекция поведенческих нарушений, предотвращение их перехода в хронические формы	Диагностика (скрининг), индивидуальные консультации, тренинги саморегуляции, социальное наставничество, работа с семьёй

Третичный	Подростки с устойчивыми формами девиантного поведения	Реабилитация, ресоциализация, предотвращение рецидивов	Межведомственный подход, индивидуальные реабилитационные планы, психотерапия, взаимодействие с ПДН и КДН
-----------	---	--	--

Школа является ключевым институтом, через который можно охватить практически всех подростков. Именно в школе возможно проведение скрининговых диагностик, выявление на ранних этапах признаков дезадаптации (прогулы, снижение успеваемости, конфликтность, замкнутость), организация первичных профилактических мероприятий. Однако, как показывают современные исследования, эффективность школьной профилактики напрямую зависит от двух условий: наличия квалифицированных кадров (педагог-психолог, социальный педагог) и координации усилий всех специалистов, работающих с подростком [16].

Системный подход предполагает отказ от «карательных» методов (вызов на совет профилактики, постановка на учёт, угрозы исключения) в пользу поддерживающих, ресурсных. Анализ отечественной и зарубежной литературы показывает, что авторитарные меры без психолого-педагогического сопровождения не только не снижают девиантное поведение, но нередко усугубляют его: подросток выталкивается из образовательной среды, теряет последние социальные связи и оказывается в криминогенном окружении. Напротив, программы, основанные на развитии социально-эмоциональных навыков, наставничестве и вовлечении в значимую деятельность, демонстрируют устойчивый профилактический эффект [9].

Семья – важнейший партнёр школы в профилактике девиантного поведения. Однако, как было показано в предыдущем разделе, многие семьи сами являются источником риска. Поэтому работа с семьёй должна быть дифференцированной. В случаях негрубых нарушений воспитания (гиперопека, непоследовательность) достаточно просветительских и консультационных мероприятий. При наличии выраженного семейного неблагополучия (асоциальный образ жизни родителей, жестокое обращение) школа обязана инициировать межведомственное вмешательство с привлечением органов опеки, социальной защиты.

Эффективной формой работы признано создание родительских клубов или групп поддержки, где обсуждаются возрастные особенности подростков, способы бесконфликтной коммуникации, правила цифровой гигиены. Важно подчеркнуть, что профилактическая работа с родителями не должна носить обвинительный характер. Наиболее действенным мотивом для изменения родительского поведения является осознание его связи с психологическим благополучием ребёнка, а не страх перед санкциями [12].

В современной школе педагог-психолог выступает не только диагностом, но и координатором всей профилактической работы. Его функции включают:

- проведение скринингов эмоционального состояния и поведенческих рисков;

- организацию групповых тренингов для подростков (коммуникативных, эмоциональной регуляции);
- индивидуальное консультирование учащихся «группы риска»;
- методическую помощь классным руководителям в выстраивании взаимодействия с «трудными» подростками;
- просвещение и консультирование родителей.

К сожалению, на практике психологи зачастую перегружены текущей документацией, а их реальное участие в профилактике сводится к формальному тестированию. В связи с этим в литературе предлагается пересмотреть нормативы нагрузки, выделив специальное время для профилактической работы, а также внедрить супервизию для школьных психологов [20].

Учитывая высокую вовлечённость современных подростков в интернет-среду, необходимым компонентом системной профилактики становится работа с киберрисками. В отличие от традиционных форм профилактики, киберпрофилактика предполагает не столько запретительные меры (ограничение доступа, блокировка сайтов), сколько формирование у подростков критического мышления, цифровой грамотности, навыков безопасного поведения в сети. Эффективными формами признаны: включение в учебную программу модулей по кибербезопасности, разбор реальных кейсов травли и мошенничества, создание школьных медиа-волонтёрских отрядов, противостоящих кибербуллингу.

Разработанный специалистами МГППУ «Навигатор профилактики социальных рисков детства в цифровой среде» (2021, 2025) классифицирует виды девиантного онлайн-поведения и предлагает алгоритмы действий педагогов: от распознавания признаков вовлечения подростка в деструктивные сообщества до маршрутизации к психологу и правоохранительным органам [20].

Обобщая современные исследования, можно выделить следующие *условия успешной профилактики в образовательной среде*:

1. Непрерывность – профилактическая работа должна вестись систематически, а не эпизодически (от мероприятия к мероприятию).
2. Комплексность – одновременное воздействие на подростка, семью, школьную среду и (в цифровом аспекте) онлайн-окружение.
3. Позитивная направленность – акцент на развитии ресурсов и сильных сторон, а не только на коррекции дефицитов.
4. Участие самих подростков – использование волонтерства, программ ровеснического наставничества (peer education), когда старшие или более адаптированные подростки помогают младшим.
5. Научная обоснованность – применение программ, доказавших эффективность в контролируемых исследованиях, а не случайных методик.

Системный подход к профилактике девиантного поведения в образовательной среде предполагает трехуровневую модель (первичная – вторичная – третичная профилактика), координацию усилий школы, семьи и других ведомств, а также учёт новых киберрисков. Ключевыми условиями эффективности являются непрерывность, комплексность, позитивная направленность и участие подростков в качестве активных субъектов профилактики.

Психолого-педагогические рекомендации для педагогов и родителей по работе с подростками группы риска

Разработка практических рекомендаций для педагогов и родителей базируется на анализе факторов риска и форм девиантного поведения, представленных в предыдущих главах. Эффективная помощь подросткам группы риска невозможна без учёта индивидуальных особенностей, типа акцентуации характера, конкретной формы девиантного поведения и социальной ситуации развития. В связи с этим рекомендации должны быть дифференцированными: то, что работает с гипертимным подростком (необходимость внешнего контроля и структурирования деятельности), может оказаться бесполезным или даже вредным для сенситивного или шизоидного.

В настоящем разделе обобщены и систематизированы подходы, предлагаемые в современной психолого-педагогической литературе. Рекомендации адресованы двум основным группам – педагогам (классным руководителям, учителям-предметникам, социальным педагогам, школьным психологам) и родителям (законным представителям) – и сгруппированы по ключевым направлениям профилактической работы.

Принципы взаимодействия с подростками группы риска. Педагогическая практика показывает, что традиционные дисциплинарные меры (выговоры, вызов родителей на совет профилактики, угрозы исключения) в отношении подростков с девиантным поведением неэффективны. Более продуктивным является подход, основанный на следующих принципах:

- безусловное принятие: отделение личности подростка от его поступка («ты хороший, но твой поступок неправильный»);
- ориентация на сильные стороны: выявление и поддержка увлечений, способностей, даже если они не связаны с учебой;
- ясность и последовательность правил: правила поведения должны быть чёткими, понятными, одинаковыми для всех, а их нарушение влечёт предсказуемые, логически связанные последствия (а не внезапные наказания);
- исключение публичного унижения: критика должна быть конфиденциальной, так как публичное осуждение усиливает защитную агрессию и закрепляет негативную идентичность [12].

Организация профилактической работы в классе. На уровне класса рекомендуется:

1. Проводить тематические классные часы по развитию эмоционального интеллекта, навыкам разрешения конфликтов, безопасному поведению в интернете (не менее 2-3 раз в полугодие).
2. Внедрять программы антибуллинга, включая формирование в классе «групп поддержки» и обучение активных учащихся роли «наблюдателей».
3. Организовывать внеурочную занятость подростков группы риска – вовлекать их в кружки, секции, волонтерские проекты, школьное самоуправление. Занятость является мощным протективным фактором, снижающим время на бесцельное времяпрепровождение и контакты с асоциальной средой [9].
4. Использовать наставничество по модели «ученик – ученик» (peer mentoring), где социально благополучный старшеклассник или одноклассник помогает подростку группы риска с учёбой, досугом, социализацией. При этом наставник должен проходить предварительную подготовку.

Рекомендации по работе с конкретными формами девиантного поведения.

При агрессивном поведении – обучать подростка техникам «тайм-аута» (паузы перед реакцией), альтернативным способам выражения гнева (например, через спорт или арт-терапию), проводить тренинги коммуникативных навыков.

При аддиктивном поведении – не использовать морализаторство и запугивание; акцент на информировании о реальных последствиях (без преувеличений), развитие альтернативных способов получения удовольствия (спорт, хобби), укрепление связи с семьёй.

При самоповреждающем поведении – рассматривать селфхарм как сигнал о сильном эмоциональном дистрессе, а не как манипуляцию; обеспечить направление к психологу/психотерапевту; не применять наказания, не фиксировать излишнее внимание, но и не игнорировать [19].

При кибердевиациях – проводить беседы о цифровой гигиене, учить распознавать манипуляции и деструктивный контент; создать «цифровой кабинет доверия» (анонимный канал для сообщений о кибербуллинге).

Семья является одновременно и важнейшим ресурсом, и (при неблагополучии) мощным фактором риска. Работа с родителями должна строиться не как обвинение в неправильном воспитании, а как сотрудничество, направленное на улучшение детско-родительских отношений.

Отказ от позиции «ты ещё маленький, слушайся старших» в пользу диалога, где мнение ребёнка учитывается. Подросток должен иметь право голоса в обсуждении семейных правил, времени возвращения домой, распределения бюджета на карманные расходы.

Правила должны быть немногочисленными, понятными и одинаковыми для всех членов семьи. Важно обсуждать последствия их нарушения не в момент конфликта, а в спокойной обстановке.

Подросток нуждается в уверенности, что родители готовы его выслушать без

немедленных нотаций и наказаний. Практика «еженедельного семейного круга» (20-30 минут откровенного разговора о чувствах, событиях) зарекомендовала себя как эффективная профилактическая мера [12].

Знать, с кем дружит подросток, где проводит время, какие сайты посещает – необходимо, но контроль не должен быть подавляющим (проверка телефона, слежка). Развитие доверия достигается через открытые разговоры о рисках, а не через запреты.

Родителям следует замечать и вербализовать сильные стороны подростка, его достижения (даже малые). Сравнения с «идеальным братом/одноклассником» недопустимы, так как формируют чувство неполноценности и зависть.

Для наглядного представления системы рекомендаций предлагается схема, изображённая на рисунке 4.

Рисунок 4 – Психолого-педагогические рекомендации по работе с подростками группы риска

Figure 4 - Psychological and pedagogical recommendations for working with at-risk adolescents

- Наиболее эффективной является скоординированная стратегия, когда школа и семья действуют в едином ключе. Для этого рекомендуется:
- регулярный (не реже 1 раза в четверть) обмен информацией о поведении и успеваемости подростка, но в конструктивном ключе (без ярлыков);
- совместное проведение родительских собраний с приглашением психолога, где обсуждаются не оценки, а возрастные особенности и способы поддержки;
- при возникновении серьёзных проблем (прогулы, кражи, употребление ПАВ) – совместное составление плана помощи с чёткими обязанностями каждой стороны.

Таким образом, представленные рекомендации обобщают научно обоснованные подходы к профилактике и коррекции девиантного поведения подростков. Ключевыми принципами являются:

- дифференциация в зависимости от формы девиации и личностных особенностей,
- создание поддерживающей среды, вовлечение в позитивную деятельность,
- отказ от наказаний в пользу конструктивных последствий, а также
- тесное взаимодействие семьи и школы.

Выводы и заключение

Таким образом, благодаря проведённому анализу теоретических подходов к понятию девиантного поведения; выявлению возрастных предпосылок; систематизации социальных детерминант и факторов риска (включая цифровую среду), характеристике основных форм и динамики девиантного поведения; обобщению подходов к профилактике выдвинутая гипотеза (о доминировании аддиктивных и самоповреждающих форм, о ключевой роли цифровых факторов риска и о необходимых условиях эффективной профилактики) получила теоретическое подтверждение.

Полученные результаты и сформулированные рекомендации могут быть использованы в деятельности педагогов-психологов, социальных педагогов и классных руководителей общеобразовательных школ для раннего выявления подростков группы риска, организации профилактической работы и коррекции поведенческих нарушений.

Материалы работы целесообразно применять при проведении родительских собраний, педагогических советов, методических объединений, а также в системе повышения квалификации работников образования. Рекомендации по профилактике киберрисков являются актуальными в условиях высокой цифровизации подростковой среды.

Проведённое теоретическое исследование подтверждает необходимость системного, межведомственного подхода к профилактике девиантного поведения, учитывающего комплекс биологических, психологических, социальных и новых цифровых факторов. Своевременная, адресная и поддерживающая (а не карательная) психолого-педагогическая работа способна снизить риски формирования устойчивых форм отклоняющегося поведения и способствовать успешной социализации подростков.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Артемьева, А.А. Влияние кибербуллинга на качество обучения школьников подросткового возраста в условиях цифровой среды / А.А. Артемьева // Образование в современном мире: стратегии развития в условиях инновационных изменений: сборник научных трудов Всероссийской научно-

- методической конференции с международным участием (Самара, 28 февраля 2024 г.). – Самара: Издательство Самарского университета, 2024. – С. 54-59. – URL: <https://repo.ssau.ru/handle/Obraz-ovani-e-v-sov-rem-en-nom-mire/Vliyanie-kiberbullinga-na-kachestvo-obucheniya-shk-olni-kov-podrost-k-ovogo-vozrasta-v-usloviyah-cifrovoy-sredy-110070> (дата обращения: 20.05.2026).
2. Безопасность 2.0: данные мониторинга кибербуллинга в Российской Федерации за 2024–2025 гг. / Российский фонд мира. – 2026. – URL: <https://vm.ru/news/1302651> (дата обращения: 19.05.2026).
 3. Божович, Л.И. Личность и учение подростка / Л.И. Божович // Психологическая наука и образование. – 2004. – № 1. – С. 5-13. – URL: https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/1997_n1/23862 (дата обращения: 10.05.2026).
 4. Бубновская, О.В. Социально-экономические детерминанты девиантного поведения российской молодёжи / О.В. Бубновская, О.С. Якубенко // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. – 2020. – Т. 5. – № 2. – С. 136-145.
 5. Профилактика зависимого, агрессивного, девиантного, асоциального поведения, буллинга: рабочая программа. – Москва: Новая гуманитарная школа, 2024. – URL: <https://infourok.ru/programma-po-profilaktike-zavisimogo-agressivnogo-deviant-nogo-a-soc-ialn-ogo-pov-edeni-ya-bullinga-2024-2025-7805612.html> (дата обращения: 19.05.2026).
 6. Клейберг, Ю. А. Психология девиантного поведения: учебник для вузов / Ю.А. Клейберг. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2021. – 287 с. – ISBN 978-5-534-18168-5.
 7. Личко, А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков / А.Е. Личко. – 2-е изд., доп. и перераб. – Ленинград: Медицина, 1983. – 255 с.
 8. Реан, А.А. Факторы риска девиантного поведения: семейный контекст / А.А. Реан // Национальный психологический журнал. – 2015. – № 4 (20). – С. 105-110. – URL: <https://npj.ru> (дата обращения: 15.05.2026).
 9. Навигатор профилактики девиантного поведения: методические материалы / Богданович Н.В., Вихристюк О.В., Дворянчиков Н.В., Делибалт В.В., Дозорцева Е.Г. – Москва: МГППУ, 2022. – 25 с. – URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/npdb2022> (дата обращения: 20.05.2026).
 10. Эльконин, Д.Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте / Д.Б. Эльконин // Вопросы психологии. – 1971. – № 4. – С. 6-20. – URL: <https://vorpsy.ru> (дата обращения: 12.05.2026).
 11. Васягина, Н.Н. Причины формирования несуицидального саморазрушающего поведения подростков: результаты контент-анализа публикаций в социальных сетях / Н.Н. Васягина, Ю.Г. Тактуева // Вестник практической психологии образования. – 2025. – Т. 22. – № 4. – С. 3-20. – DOI: 10.17759/bppe.2025220401. URL: https://psyjournals.ru/jour-n-als/bppe/archive/2025_n4/Vasy-agina_Taktueva (дата обращения: 20.05.2026).
 12. Кон, И.С. Психология ранней юности / И.С. Кон // Возрастная психология: сборник статей. – Москва: Просвещение, 2020. – С. 234-267. – URL: <https://psychlib.ru> (дата обращения: 12.05.2026).

13. Высоких, П.В. Актуальное состояние проблемы кибербуллинга среди подростков / П. В. Высоких. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2025. – №43 (594). – С. 267-271. – URL: <https://moluch.ru/archive/594/129451> (дата обращения: 20.05.2026).
14. Количество детей, пострадавших от кибербуллинга в РФ: аналитическая справка / Центр мониторинга «Безопасность 2.0». – 2026. – URL: <https://vm.ru/news/1302651-ch-islo-sl-uchaev-kiberbull-inga-s-uchast-ie-m-detej-za-god-vyroslo-v-rf-na-14-procentov> (дата обращения: 20.05.2026).
15. Исследование цифровых привычек поколения Альфа: аналитический отчет / Национальный провайдер (ООО «Эквант»). – 2025. – URL: https://stav.aif.ru/society/nacionalnyu_provayder_izuchil_cifrovye_privychki_i_riski_pokoleniya_alfa (дата обращения: 19.05.2026).
16. Кибербезопасность детей: информационно-разъяснительные материалы / Ассоциация «СИЗ» при участии Государственного университета управления. – 2025. – URL: <https://asiz.ru/infografika-ot-asiz/> (дата обращения: 20.05.2026).
17. Шнейдер, Л.Б. Психология девиантного и аддиктивного поведения детей и подростков: учебник и практикум / Л.Б. Шнейдер. – Москва: Юрайт, 2021. – 219 с. – ISBN 978-5-534-05932-8.
18. Менделевич, В. Д. Психология девиантного поведения: учебное пособие / В.Д. Менделевич. – Санкт-Петербург: Речь, 2005. – 445 с. – ISBN 5-9268-0386-X.
19. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон № 273-ФЗ: принят Государственной Думой 21 декабря 2012 года. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.05.2026).
20. Змановская, Е.В. Девиантное поведение личности и группы: учебное пособие / Е. В. Змановская, В.Ю. Рыбников. – Санкт-Петербург: Питер, 2022. – 352 с. – ISBN 978-5-49807-451-3.

REFERENCES

1. Artemyeva, A.A. The Impact of Cyberbullying on the Quality of Education of Adolescent Schoolchildren in the Digital Environment. A.A. Artemyeva. Education in the Modern World: Development Strategies in the Context of Innovative Changes: Collection of Scientific Papers of the All-Russian Scientific and Methodological Conference with International Participation (Samara, February 28, 2024). - Samara: Samara University Publishing House, 2024. Pp. 54-59. URL: <https://repo.ssau.ru/handle/Obraz-ovani-e-v-sov-rem-en-nom-mire/Vliyanie-kiberbullinga-na-kachestvo-obucheniya-shk-olni-kov-podrost-k-ovogo-vozrasta-v-usloviyah-cifrovoy-sredy-110070> (accessed: 20.05.2026).
2. Safety 2.0: Cyberbullying Monitoring Data in the Russian Federation for 2024–2025. Russian Peace Foundation. 2026. URL: <https://vm.ru/news/1302651> (accessed: 19.05.2026).

3. Bozhovich, L.I. Personality and Learning of a Teenager. L.I. Bozhovich. Psychological Science and Education. 2004. No. 1. Pp. 5–13. URL: https://psyjournals.ru/journals/pse/archve/1997_n1/23862 (accessed: 10.05.2026).
4. Bubnovskaya, O.V. Socio-Economic Determinants of Deviant Behavior of Russian Youth. O.V. Bubnovskaya, O.S. Yakubenko. Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological, and Economic Sciences. 2020. Vol. 5. No. 2. Pp. 136-145.
5. Prevention of Dependent, Aggressive, Deviant, and Antisocial Behavior, and Bullying: A Working Program. Moscow: New Humanitarian School, 2024. URL: <https://infourok.ru/programma-po-profilaktike-zavisimogo-agressivnogo-deviantnogo-a-soc-ialn-ogo-pov-edeni-ya-bullinga-2024-2025-7805612.html> (Accessed: 19.05.2026).
6. Kleiberg, Yu.A. Psychology of Deviant Behavior: A Textbook for Universities. Yu.A. Kleiberg. 5th ed., revised and enlarged. Moscow: Yurait, 2021. 287. p. ISBN 978-5-534-18168-5.
7. Lichko, A.E. Psychopathy and Character Accentuations in Adolescents. A.E. Lichko. 2nd ed., revised and enlarged. Leningrad: Meditsina, 1983. 255 p.
8. Rean, A.A. Risk Factors for Deviant Behavior: Family Context. A.A. Rean. National Psychological Journal. 2015. No. 4 (20). P. 105-110. URL: <https://npj.ru> (date of access: 15.05.2026).
9. Navigator of prevention of deviant behavior: methodological materials / Bogdanovich N.V., Vikhristyuk O.V., Dvoryanchikov N.V., Delibalt V.V., Dozortseva E.G. Moscow: MGPPU, 2022. 25 p. URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/npdb2022> (date of access: 20.05.2026).
10. Elkonin, D.B. On the problem of periodization of mental development in childhood. D.B. Elkonin. Questions of Psychology. 1971. No. 4. P. 6-20. URL: <https://voppsy.ru> (date of access: 12.05.2026).
11. Vasyagina, N.N. Causes of the Formation of Non-suicidal Self-Destructive Behavior in Adolescents: Results of a Content Analysis of Publications on Social Networks. N.N. Vasyagina, Yu.G. Taktueva. Bulletin of Practical Psychology of Education. 2025. Vol. 22. No. 4. Pp. 3-20. DOI: 10.17759/bppe.2025220401. URL: https://psyjournals.ru/jour-n-als/bppe/arch-iv-e/2025_n4/Vasyagina_Taktueva (date of access: 20.05.2026).
12. Kon, I.S. Psychology of Early Adolescence. I.S. Kon. Age Psychology: A Collection of Articles. Moscow: Prosveshchenie, 2020, pp. 234-267. Available at: <https://psychlib.ru> (Accessed: 12.05.2026).
13. Vysokikh, P.V. The Current State of the Problem of Cyberbullying Among Adolescents. P.V. Vysokikh. Direct Text. Young Scientist. 2025, no. 43 (594). pp. 267-271. Available at: <https://moluch.ru/archive/594/129451> (Accessed: 20.05.2026).

14. The Number of Children Victims of Cyberbullying in the Russian Federation: An Analytical Report. Monitoring Center "Security 2.0". 2026. URL: <https://vm.ru/news/1302651-ch-islo-sl-uchaev-kiberbull-inga-s-uchast-ie-m-detej-za-god-vyroslo-v-rf-na-14-procentov> (date of access: 20.05.2026).
15. A study of the digital habits of Generation Alpha: Analytical report. National Provider (ООО Еквант). 2025. URL: https://stav.aif.ru/society/nacionalnyy_provayder_izuchil_cifrovye_privychki_i_riski_pokoleniya_alfa (date of access: 19.05.2026).
16. Children's Cybersecurity: Information and Explanatory Materials. SIZ Association with the participation of the State University of Management. 2025. URL: <https://asiz.ru/infografika-ot-asiz/> (date of access: 20.05.2026).
17. Schneider, L.B. Psychology of Deviant and Addictive Behavior of Children and Adolescents: Textbook and Workshop. L.B. Schneider. Moscow: Yurait, 2021. 219 p. ISBN 978-5-534-05932-8.
18. Mendelevich, V.D. Psychology of Deviant Behavior: Textbook. V.D. Mendelevich. St. Petersburg: Rech, 2005. 445 p. ISBN 5-9268-0386-X.
19. On Education in the Russian Federation: Federal Law No. 273-FZ: adopted by the State Duma on December 21, 2012. Accessed from the ConsultantPlus legal reference system. URL: <https://www.consultant.ru> (accessed: May 18, 2026).
20. Zmanovskaya, E.V. Deviant behavior of the individual and the group: a tutorial. E.V. Zmanovskaya, V.Yu. Rybnikov. St. Petersburg: Piter, 2022. 352 p. ISBN 978-5-49807-451-3.

Информация об авторах: Диана Алиевна Ташу – студент, курс 2 ЗФО, Направление 44.03.02 «Психолого-педагогическое образование», Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия.
azazaxaq@gmail.com

Светлана Сергеевна Игнатович – канд. пед. наук, доц. каф. педагогики и психологии; Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия.
<https://orcid.org/0000-0003-0479-6117>
Researcher ID Web of Science: AAD-7258-2019
Scopus Author ID: 58202706200
ssign67@mail.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи

Information about the authors: Diana A. Tashu – student, 2nd year of the ZFO, Direction 44.03.02 “Psychological and pedagogical education”, Kuban State University.
Krasnodar, Russia

Svetlana S. Ignatovich – Cand. ped. Sciences, Assoc. department pedagogy and psychology. Kuban State University; methodologist of the Center for Continuing Education "Khosta" of Sochi;

ORCIDID<https://orcid.org/0000-0003-0479-6117>

Researcher ID Web of Science: AAD-7258-2019

Scopus Author ID: 58202706200

Krasnodar, Russia

ssign67@mail.ru

The authors have read and approved the final manuscript.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 24.03.2025.

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 19.06.2026

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / The authors declare no conflict of interests

Рекомендовано учебно-методической комиссией кафедры педагогики, психологии, факультета педагогики, психологии и коммуникативистики, Кубанский государственный университет.